

Системное уведомление: зафиксировано критическое падение жизненных показателей ключевой исторической фигуры — императора Тай-цзуна Ли Шиминя! Событие Падение императорской звезды вошло в финальную стадию отсчета! Текущий уровень давления среды: 99! Внимание! Стадия экстремальной опасности! Просьба к носителю сохранять максимальную бдительность! Дополнительное уведомление: жизненные сигналы ключевой фигуры — императрицы Вэньдэ Чансунь — также находятся на критической отметке. Риск наложения двух финальных событий, резкие колебания поля исторической коррекции. Носителю предписано проявлять предельную осторожность!

Весть о скоропостижной кончине принцессы Цзиньян, Сы-цзы, не разнеслась по дворцу обычным порядком. Она ударила, подобно беззвучной, но сокрушительной молнии, в одночасье разорвав тяжелые, удушливые занавеси дворца Личжэн.

Той глубокой ночью, когда бушевала метель, евнух, принесший дурную весть, едва не вполз в покои. Лицо его было блее бумаги, губы дрожали, и прежде чем он успел произнести хоть слово, отчаянное выражение его глаз уже сказало всё за него.

В тот момент император Тай-цзун Ли Шиминь находился в забытии. Придворный лекарь только что влил ему в рот отвар женьшеня, надеясь хоть немного поддержать угасающий дух.

Императрица Чансунь тихо лежала на своем ложе. Дыхание ее было слабым, но взгляд упрямо устремлен в сторону ложа императора, словно только этот последний взор еще связывал ее с супругом и с этим миром.

В тот миг, когда евнух, давясь слезами, прошептал: Принцесса Цзиньян... скончалась, время словно застыло.

На ложе императора тело Ли Шиминя внезапно содрогнулось. Глаза, еще недавно острые, как у ястреба, а ныне мутные, внезапно распахнулись, вспыхнув жутким светом предсмертного озарения.

Он не вскрикнул, не стал ни о чем спрашивать. Лишь из глубины его горла вырвался хриплый, задавленный кровью и отчаянием стон, подобный крику умирающего зверя:

— Ох... Сы-цзы... моя... моя Сы-цзы...

Следом за этим его тело сотрясли судороги, и густой поток горячей, отдающей зловонием крови, подобно вулканической лаве, копившейся долгое время, хлынул из его уст!

Кровь была не ярко-алой, а темной, почти черной. Она забрызгала ярко-желтые полога ложа и даже одеяния стоявшего на коленях лекаря и наследника Ли Чжи. Этот ослепительный, зловещий цвет змеился в свете свечей, словно распускающиеся цветы гиганта, вестники смерти.

Этот поток крови, казалось, унес с собой последнюю опору его жизни. Ослабев, он тяжело рухнул обратно на подушки. Глаза его оставались широко открытыми, устремленными в пустоту, но блеск в зрачках угасал на глазах. Лишь едва заметное движение груди свидетельствовало о том, что в этом великом теле, которое некогда несло славу Тенгри-кагана и заложило основы процветания Ли Тан, еще теплится жизнь.

Лекарь дрожащими руками провел осмотр, после чего, бледный как смерть, отступил назад и медленно покачал головой, глядя на наследника и сановников: Его Величество при смерти, лекарства уже бессильны.

Императрица Чансунь, услышав весть о кончине любимой дочери, лишь едва заметно вздрогнула. У нее не было такой бурной реакции, как у императора, она не проронила ни слезинки. Просто тот слабый огонек надежды, что еще теплился в ее прекрасных, осунувшихся глазах, окончательно погас.

Она продолжала лежать неподвижно, глядя в сторону ложа мужа, но взгляд ее стал бездонным и пустым. Казалось, ее душа в тот же миг покинула истерзанное болезнью тело вместе с любимой дочерью, оставив лишь пустую оболочку, которая поддерживалась лишь невыразимой волей — желанием проводить супруга в последний путь.

Один из старших лекарей, докладывая наследнику Ли Чжи, прошептал с глубокой скорбью:

— Госпожа императрица... ее жизненные силы иссякли. Сейчас она держится лишь на одной силе духа, боюсь... она в любой момент может последовать за покойным императором и принцессой.

Дворец Личжэн, сердце империи, символ высшей власти и почета, за короткое время превратился в погребальный зал, окутанный двойной, а то и тройной тенью смерти. Все яркие украшения, роскошные ширмы и изысканные предметы были убраны, их заменили ослепительно белые, безжизненные ткани. Придворные уже облачились в грубые льняные одежды и передвигались бесшумно, словно призраки.

Густой запах лекарств уже не мог перебить тяжелый дух смерти, который смешивался с ароматом вечно горящих свечей, создавая атмосферу, от которой было не продохнуть. Эта тяжесть давила на грудь каждого, кто находился во дворце.

Здесь воцарилась тишина, более жуткая, чем громкие рыдания. Лишь изредка слышалось потрескивание свечей да бесконечный вой ветра за окнами, бьющегося о переплеты рам. Каждый вдох казался глотком ледяного отчаяния.

У Юаньчжао, облаченная в широкие белые одежды, стояла на коленях в неприметном углу у входа. С этой позиции она могла наблюдать за происходящим, не привлекая к себе лишнего внимания. Она опустила голову, сцепив руки перед собой, и казалась такой же скорбящей, как и другие слуги, но только она сама знала, что под широкими рукавами ее пальцы ледяные и мелко дрожат.

Сердце колотилось в груди, словно боевой барабан. И дело было не только в горе и страхе перед грядущей кончиной императора, но и в двух предметах, спрятанных у нее за пазухой: маленьком фарфоровом флаконе, который казался ледяным, но при этом обжигал кожу, и аккуратно сложенной шелковой платке, испачканном странным фосфоресцирующим налетом.

Это были доказательства, способные разорвать небо над Ли Тан! То, что император Ли Шиминь так долго не мог подняться с постели, оказалось не карой небес, а тщательно спланированным, медленным убийством. От этой мысли ее бросило в дрожь.

Император и императрица при смерти. Сколько еще глаз следят за ними из теней этого дворца? Сколько нераскрытых заговоров? Кто отравитель? Кто-то из скорбящих сановников? Кто-то из членов императорского рода, скрывающийся в тени? Или враг, пришедший издалека? Ей казалось, что она находится в центре огромной темной паутины, и малейшая неосторожность приведет к тому, что невидимый паук проглотит ее без остатка.

Системное уведомление: скрытое задание «Загадка отравления: расследование» переходит в финальную стадию! Улики «отравленный шелковый платок» и «подозрительный порошок» являются крайне опасными предметами! Текущий уровень идентификации врага в среде: высокий! Риск разоблачения продолжает расти! Просьба тщательно выбирать время и объект для передачи! Предупреждение: уровень сложности установления безопасного канала связи с ключевой фигурой — наследником Ли Чжи — крайне высок! Риск провала связи может привести к полному провалу задания и угрозе жизни носителя! Дополнительное уведомление: обнаружено, что личность носителя связана с принудительным историческим событием — «процедура размещения наложниц после кончины императора» уже запущена Храмом Цзунчжэн. Согласно правилам Ли Тан, наложницы, не имеющие детей, должны принять постриг и отправиться в указанный императорский храм (например, Храм Ганье), чтобы молиться за упокой душ императора и императрицы до конца своих дней. Носителю предписано заблаговременно подготовиться морально и материально.

Холодный и подробный голос системы, словно ледяной кинжал, пронзил ее решимость, заставив содрогнуться от ужаса.

Храм Ганье! Она почти забыла это название, которое встречалось в учебниках истории и бесчисленных романах о дворцовых интригах, символизируя трагическую судьбу женщин в императорском дворце. Все ее предыдущие попытки выжить, тайные расследования, попытки заручиться поддержкой — всё это казалось таким ничтожным и смешным перед лицом железных законов империи и фразы «наложницы без детей должны принять постриг».

Раньше она тешила себя иллюзией, что благодаря заслугам перед наследником сможет выторговать себе право дожить остаток дней в уединенном уголке дворца. Теперь же холодное уведомление системы разрушило эту последнюю надежду.

Согласно обычаям, унаследованным Ли Тан от предыдущих династий, после кончины императора все наложницы, не родившие наследников, независимо от их ранга и того, пользовались ли они благосклонностью, должны были отправиться в монастырь. Там они должны были состричь волосы, облачиться в черные одежды и коротать век в обществе

древних будд и синих светильников. Храм Ганье был самым известным из таких мест, символом полного разрыва с миром живых и центром власти.

Она, У Юаньчжао, душа из современного мира, волею судеб ставшая самой незначительной наложницей в этом дворце, без детей, без опоры — ее судьба, возможно, была предрешена в тот самый миг, когда она переступила порог дворца.

Леденящий холод, пронизывающий до костей, поднялся от самых ступней и разлился по всему телу. Это был холод не только физический, но и страх перед неизвестным будущим, перед потерей свободы, перед возможностью бесследно исчезнуть в стенах монастыря.

Она должна во что бы то ни стало передать улики наследнику Ли Чжи. Это касалось не только раскрытия правды об убийстве императора и будущего империи, но и ее собственного выживания в Храме Ганье! Сможет ли она получить хоть какую-то защиту от нового императора или же, зная слишком много тайн, будет устранена в одну из ночей с помощью чаши яда или шелкового шнурка? Эти улики были ее единственным козырем. Но дворец Личжэн сейчас был подобен крепости, окруженной стражей, куда не проскользнет и птица.

Наследник Ли Чжи, будущий император, оказался на острие ножа. Ему предстояло не только сдерживать огромное горе и разбираться с грудой срочных государственных дел, но и отвечать на соболезнования, отражать происки различных сил и готовиться к масштабным похоронам и церемонии восхождения на престол.

Он почти не покидал главных покоев, будучи окруженным дядей по матери Чжансунь Уцзи, главой Секретариата Чу Суйляном и другими сановниками, а также бесчисленными глазами — как преданными, так и алчущими власти.

У Юаньчжао, наложнице низкого ранга, найти возможность поговорить с ним наедине и передать столь опасные доказательства было практически невозможно.

Состояние умирающего Ли Шиминя в этой гнетущей атмосфере мучительно растянулось на три дня. Для У Юаньчжао эти три дня показались дольше трех лет. Она чувствовала себя струной, натянутой до предела, готовой лопнуть в любую секунду. Ей приходилось постоянно контролировать выражение лица: не проявлять слишком много горя (это выглядело бы наигранно), но и не быть слишком спокойной (это вызвало бы подозрения). Она должна была тщательно прятать улики, чтобы они не выпали при поклонах, и, подобно сторожевому псу, ловить малейшие звуки, наблюдая за каждым движением входящих и выходящих, пытаясь разглядеть в тумане скорби сигналы опасности.

В то же время слово «Храм Ганье», словно злобное заклятие, крутилось в ее голове день и ночь. Она начала невольно представлять себе ту жизнь: холодные кельи, грубая пища, бесконечное чтение сутр, интриги других наложниц и полная потеря свободы... Роскошь, свобода и удобства современного мира вступали в резкий контраст с этой нищетой и одиночеством, доводя ее до грани нервного срыва.

Она даже начала сомневаться: неужели она прошла через перерождение лишь для того, чтобы сгинуть в монастыре?

На четвертую ночь метель, казалось, достигла своего апогея. Ветер, подобно вою тысяч неприкаянных душ, с неистовой силой бился в окна и двери дворца, издавая грохот, словно пытаясь вырвать весь дворец Тайцзи с корнем. Мир погрузился в хаотичную белизну.

Сразу после полуночи, когда воцарилась тишина (за исключением воя ветра), тело императора, до этого момента лишь поддерживаемое отварами, внезапно содрогнулось в легкой судороге.

Его дыхание, которое до этого было едва уловимым, стало прерывистым и тяжелым. В горле послышался хрип, похожий на звук сломанных мехов. Лицо из восково-желтого быстро приобрело пугающий пепельный оттенок. Лекари в панике бросились к нему, но, будучи бессильными, могли лишь пасть ниц.

В тот же самый миг императрица Чансунь, до этого неподвижно лежавшая на своем ложе, словно почувствовала что-то. Ее пустой взгляд внезапно наполнился слабым светом. Сухие губы едва заметно шевельнулись, и по движению губ можно было прочесть лишь одно слово: Эр-лан... Слеза, чистая и прозрачная, медленно скатилась из уголка ее глаза и впиталась в подушку. Затем она из последних сил, которые казались невозможными для ее измученного тела, протянула руку в сторону ложа императора.

Этот едва уловимый жест стал сигналом!

— Ваше Величество! — Матушка!

Возгласы, раздавшиеся почти одновременно, прогремели как гром в тишине дворца Личжэн! Наследник Ли Чжи, до этого находившийся в полузабытии от усталости, внезапно очнулся, словно его окатили ледяной водой. Он бросился к ложу, тяжело рухнул на колени и крепко сжал холодную руку отца, от которой осталась лишь кожа да кости. Его взгляд упал на руку матери, тянущуюся к отцу, и сердце его, казалось, пронзили тысячи стрел. Огромное горе и бессилие от невозможности помочь обоим родителям одновременно разрывали его на части.

— Отец... Матушка... — он задыхался, голос его дрожал.

Все присутствующие подняли головы, со страхом и болью наблюдая за этой душераздирающей сценой.

Дыхание императора становилось все слабее. Его глаза, некогда пронизательные и величественные, из последних сил попытались приоткрыться. Взгляд хаотично скользнул по пологам, по плачущему наследнику и, наконец, словно по наитию, с трудом сфокусировался на ложе императрицы. На мгновение их взгляды встретились.

В этот миг, казалось, пролетели десятилетия: от юных супругов в дни восстания в Цзиньняне до правления в эпоху Чжэньгуань и нынешнего прощания на смертном одре... Все слова были излишни.

Его губы едва заметно шевельнулись. Ли Чжи, стоявший ближе всех, приник ухом и услышал лишь слабый, почти угасший шепот, имя, которое было глубоко сокрыто в глубинах времени, имя, означавшее их самую близкую связь:

— Гуань... инь... би...

Затем, на глазах у всех, голова императора Ли Шиминя безвольно склонилась набок, и последний вздох покинул его тело.

Великий правитель, создавший бессмертное наследие, ушел из жизни с бесконечной тоской по любимой дочери и глубокой привязанностью к своей супруге.

Почти в тот же миг рука императрицы Чансунь, тянувшаяся к ложу мужа, словно наконец завершив свой последний путь, безвольно опустилась.

Ее глаза, до этого слегка приоткрытые, медленно и безмятежно закрылись, а на губах, казалось, застыла едва заметная, освобождающая улыбка. Ее лицо больше не выражало страданий — лишь покой и умиротворение, словно она наконец сложила с себя все земные обязательства и боли, чтобы последовать за своим супругом.

Император и императрица скончались в один миг, держась за руки! Они исполнили свой обет: вместе при жизни, вместе и после смерти!

Время словно остановилось. Во дворце Личжэн погасли свечи, стих даже вой ветра. Все замерло, не в силах поверить в происходящее. Кончина императорской четы в один день стала величайшим потрясением в истории Ли Тан!

Затем последовал взрыв рыданий. Придворный лекарь, сдерживая потрясение и боль, дрожащими руками проверил дыхание и пульс у обоих. Обернувшись к собравшимся, он объявил со слезами в голосе, но необычайно четко и торжественно:

— Его Величество... скончался! Госпожа императрица... преставилась!

Эти слова ударили по сердцам, словно погребальный колокол.

— Отец! Матушка!

Наследник Ли Чжи издал раздирающий душу крик и рухнул у ложа, заливаясь слезами. Это

был уже не сдержанный плач будущего правителя, а крик сироты, в одночасье потерявшего обоих родителей. Огромное горе, бремя власти, внезапно легшее на его плечи, и чувство полного одиночества накрыли его, словно цунами.

Этот плач стал сигналом, мгновенно воспламенившим море скорби во дворце. Все слуги, евнухи, стражники и даже закаленные в боях сановники не смогли сдержаться и зарыдали в голос. Плач сотрясал землю, сливаясь с воем метели за окнами.

У Юаньчжао, как и все остальные, опустилась на колени, прижавшись лбом к холодному полу. Ее сердце бешено колотилось. Любовь императорской четы, их уход из жизни в один день — это выходило за рамки обычного, и даже ее современная душа не могла остаться равнодушной. Глаза невольно наполнились слезами. Это была не сухая запись в учебнике истории, а живой, полный эмоционального накала момент.

Однако системное уведомление и тень ее собственной судьбы, словно ледяная игла, пронзили ее чувства.

Системное уведомление: ключевые исторические события «Падение императорской звезды» и «Уход императрицы» активированы! Эпоха официально сменилась! История вошла в новую эру! Новый император Ли Чжи автоматически получил наивысший приоритет в данном мире! Основное задание фракции принудительно обновлено: помочь новому императору стабилизировать ситуацию, успешно взойти на престол и укрепить власть! Текущий уровень давления на выживание: 100! Высшая степень тревоги! Обнаружены множественные скрытые угрозы (неидентифицированные враждебные силы, нестабильность переходного периода, кризис личности носителя)! Дополнительное уведомление: процедура размещения наложниц покойного императора официально запущена, личное дело носителя помечено Управлением евнухов как «бездетная, подлежит постригу согласно правилам», предполагаемое место назначения: Храм Ганье. Носителю предписано готовиться к переводу.

Хаос и крайняя скорбь продолжались около часа. Весь дворец утопал в плаче. Однако государство не может существовать без правителя, особенно в столь критический момент. Среди этого плача дядя по матери, Ситу Чжансунь Уцзи, ближайший сановник покойного императора, первым подавил в себе огромное горе. Он вытер слезы рукавом и, пошатываясь, но с решительным видом подошел к наследнику Ли Чжи.

Глубоко вздохнув, он произнес скорбным, но твердым и не терпящим возражений голосом:

— Ваше Высочество! Прошу вас, сдержите скорбь! Мы понимаем ваше горе, но государство не может оставаться без правителя ни на день! Император и императрица скончались в один день, страна в трауре, это критический час для нашего государства! Миллионы людей по всей стране с надеждой смотрят на нового правителя! Прошу вас, ради судеб империи, ради воли ваших родителей, немедленно взойдите на престол, займите трон, чтобы успокоить сердца народа и чиновников!

Эти слова, словно удар колокола, прозвучали в море скорби, возвращая всех к суровой

реальности.

Плач Ли Чжи постепенно утих, но плечи его продолжали дрожать. Казалось, он плакал долго, прежде чем с помощью евнухов и сановников смог поднять голову. Лицо его было залито слезами, глаза опухли. Однако в тот миг, когда он поднял взгляд, глубоко в его глазах, помимо нескрываемой боли, начали проявляться решимость, тяжелое чувство ответственности и величие императора. Он обвел взглядом всех присутствующих, медленно и тяжело задерживаясь на каждом лице.

Наконец, он произнес своим охрипшим от слез, но уже обретшим императорскую твердость голосом, и каждое слово четко донеслось до всех:

— Господа... встаньте.

Все поднялись, опустив головы.

Ли Чжи снова посмотрел на ложа императора и императрицы, боль на мгновение вспыхнула в его глазах, но тут же сменилась твердостью:

— Император и императрица... внезапно покинули этот мир, и мое сердце... разрывается от боли.

Он впервые публично назвал себя «Я» (Чжэнь), что означало официальную смену статуса.

— Однако, как сказал Ситу, государство превыше всего. Я... как бы ни было мне больно, не смею забывать о возложенной на меня ответственности.

Он помолчал, и тон его стал спокойным и решительным:

— Все церемонии похорон и восхождения на престол должны проводиться в строгом соответствии с обычаями предков под руководством Ситу Чжансунь Уцзи, главы Секретариата Чу Суйляна, совместно с Министерством ритуалов, Храмом Тайчан и Храмом Цзунчжэн. Все должно быть проведено торжественно и безупречно, чтобы исполнить сыновний долг и успокоить души родителей!

— Кроме того, — он добавил веса своим словам, — немедленно издать указ, оповестить всю страну, объявить сорокадевятидневный траур. В столице запретить музыку и пиры, весь народ должен соблюдать правила государственного траура.

Сказав это, его взгляд невольно, но вполне естественно скользнул по толпе наложниц, стоявших в углу. Голос его прозвучал спокойно, но с силой закона:

— Все наложницы покойного императора должны соблюдать траур и следовать правилам. После окончания похорон... все дела будут решены согласно установленному порядку.

Последняя фраза — Исполнить по уставу — прозвучала негромко, без тени эмоций, но легла на души словно холодный приговор. У Юаньчжао и все остальные бездетные наложницы почувствовали, как внутри всё заledenело, будто их живьем сбросили в ледяной погреб. Храм Ганье перестал быть просто страшным словом из пугающих рассказов, превратившись в неотвратимую и жестокую реальность. Их жизнь, еще недавно полная дворцового блеска, теперь сводилась к холодному одиночеству, к древним Буддам и синим светильникам. Некоторые из младших наложниц, чья психика оказалась слабее, уже начали тихо всхлипывать.

— Мы покорно принимаем волю Вашего Величества! — в один голос отзывались сановники во главе с Чжансунь Уцзи и Чу Суйляном. Их голоса, полные решимости присягнуть новому государю и стремления стабилизировать обстановку, прозвучали громогласно. В этом хаосе и гуле двойного траура власть нового императора Ли Чжи утвердилась — тихо, но непоколебимо.

С этого момента дворец Личжэн и весь императорский город заработали, словно заведенный механизм: быстро и слаженно. Слуги Управления евнухов с величайшей осторожностью перенесли тела покойных императора и императрицы во дворец, где для них уже была приготовлена погребальная зала. Тяжелый погребальный колокол бил во дворце Тайцзи, и его гул разносился по каждому уголку города Чанъань. Гонцы на взмыленных конях разнесли весть о кончине по всей империи Ли Тан. Весь Ли Тан мгновенно погрузился в пучину скорби и тревоги.

У Юаньчжао, как старую обительницу дворца Личжэн, также включили в число тех, кто должен нести почетный караул. Облачившись в грубую, тяжелую мешковину, она смешалась с толпой младших наложниц и служанок, исполняя под присмотром распорядителей бесконечные и утомительные ритуалы. Каждый поклон, каждое возжигание благовоний жгли сердце — время утекало сквозь пальцы. Она должна была передать новому императору доказательство, которое жгло ей руки, прежде чем начнется полномасштабная чистка гарема и ее отправят в почти изолированный от мира храм Ганье. Это было нужно не только ради правды или стабильности империи — возможно, это был единственный способ выторговать себе хоть каплю жизни, хоть какую-то защиту в предстоящем нищенском и опасном существовании при монастыре. Эти улики были ее единственной соломинкой.

Случай представился лишь на вторую ночь после смерти императорской четы. Ли Чжи нужно было передохнуть в боковом покое дворца Лянъи, что примыкал к дворцу Личжэн, и уладить несколько неотложных дел. В главном дворце было полно народа, но в боковом покое стража была менее бдительна. Поскольку У Юаньчжао раньше прислуживала в кабинете дворца Личжэн и не привлекала к себе внимания, старшая служанка снова указала на нее, поручив отнести императору чашу бодрящего женьшеневого отвара. Это был ее последний шанс.

Она глубоко вдохнула, пытаясь унять бешеный стук сердца, поправила белое траурное платье и, убедившись, что доказательство надежно спрятано за пазухой, опустила голову. С лаковым подносом в руках она последовала за евнухом, шаг за шагом приближаясь к покоям, где решалась ее судьба.

Внутри было сумрачно: свечи мерцали, отбрасывая на стены причудливые тени. Император Ли Чжи уже сменил тяжелое траурное облачение на простую одежду и стоял у окна, повернувшись спиной к двери. Его фигура в свете свечей казалась невероятно хрупкой, словно он мог в любой момент рухнуть под тяжестью свалившегося на него бремени. Услышав шаги, он медленно обернулся. В скудном свете его лицо выглядело изможденным, глаза были испещрены красными прожилками от недосыпа. Однако взгляд, таящийся в глубине этих глаз, был острым, как у ястреба, — полным подозрения, настороженности и сдерживаемого гнева.

— Ваше Величество, отвар готов, — прошептал сопровождавший евнух и, поклонившись, отступил за дверь.

У Юаньчжао опустилась на колени, высоко подняв поднос над головой. Голос ее звучал ровно:

— Прошу, Ваше Величество, отведайте отвара.

Ли Чжи не спешил брать чашу. Его взгляд задержался на склоненной голове девушки на два-три вдоха. В покоях воцарилась тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием фитиля. Для У Юаньчжао эти мгновения растянулись на века. Она чувствовала, как этот взгляд буквально пронзает ее.

— Встань, — наконец произнес он. Голос его был хриплым, но в нем слышалась нетерпеливая властность. — Есть новости?

Он перешел сразу к делу, не тратя времени на формальности: было ясно, что он помнит об их уговоре и ждал этого момента.

У Юаньчжао почувствовала прилив уверенности. Она быстро поднялась, сохраняя подобающую почтительность, сделала шаг вперед и, не колеблясь, достала из-за пазухи небольшой сверток. Подав его императору, она произнесла едва слышным, но отчетливым шепотом:

— Ваше Величество, остатки лекарства проверены. При контакте с определенными веществами, выявляющими яды, оно дает ярко-синее свечение. Это верный признак редчайшего яда, упоминавшегося в дворцовых записях прошлых династий. Покойный император долго хворал, и боюсь, это не было волей Небес. Кто-то тайно и методично его травил!

При словах о синем свечении и яде зрачки Ли Чжи сузились до размеров игольного ушка. Он выхватил сверток с такой скоростью, что воздух свистнул. Открыв его, он понюхал фарфоровый пузырек, а затем развернул шелковую ткань. Увидев зловещие, неестественно синие следы, он побледнел, на лбу вздулись вены, а пальцы, сжимавшие ткань, побелели от напряжения и начали мелко дрожать. Ярость и жажда убийства, клокотавшие в его глазах, казалось, могли выжечь всё вокруг — температура в покоях словно упала на несколько градусов.

— Значит, правда... — процедил он сквозь зубы. Его голос был низким, опасным, как рык разъяренного льва. — Волчьи повадки! Мерзавцы! Посмели посягнуть на жизнь отца!

Он несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь подавить бушующий внутри пожар. Он знал, что сейчас не время для вспышек гнева. Резко вскинув голову, он посмотрел на У Юаньчжао — в этом взгляде читалось признание ее заслуг, основанное на опасности добытых ею улик.

— Ты... поступила верно. Рискнула жизнью ради доказательств, твоя преданность неоспорима, — он сжал улики в кулаке, словно горло врага. — Это дело касается основ государства, оно чрезвычайно важно. Храни это в строжайшей тайне! Кроме нас двоих, никто не должен знать! У меня... свои планы.

Он замолчал, глядя на нее сложным взглядом. В нем промелькнуло понимание ее положения и, возможно, какая-то скрытая мысль. Он понизил голос, заговорив еще быстрее:

— Возвращайся. Веди себя как обычно, не вызывай подозрений. Продолжай нести караул. После окончания траура, когда всё немного уляжется... я распоряжусь о твоей судьбе.

Слово распоряжусь прозвучало многозначительно. Намекал ли он на то, что знает о грядущей участи бездетных наложниц, вынужденных следовать уставу? Было ли это скрытым обещанием не дать ей сгинуть в храме Ганье? Или же просто способ успокоить ее, чтобы избежать лишних хлопот? У Юаньчжао не могла знать наверняка, но это был хоть какой-то проблеск света в темноте.

[Системное уведомление: Ключевое задание «Тень отравленного отвара: передача улик» выполнено! Уровень доверия со стороны нового императора Ли Чжи значительно повышен! Текущий статус: Доверие! Получено достижение «Одинокая верность во тьме»! Награда: незначительное постоянное улучшение способности предчувствия опасности! Предупреждение: чем больше вы знаете, тем выше риск для вашей жизни! Сюжетная линия храма Ганье принудительно активирована, пожалуйста, подготовьтесь!]

— Слушаюсь, Ваше Величество, — У Юаньчжао, не смея больше ничего сказать, отвесила низкий поклон и покорно вышла из покоев.

Снаружи бушевала метель. Ледяной воздух ударил в лицо, заставив ее вздрогнуть. Она подняла глаза на черное небо, где не было видно ни одной звезды, и сердце ее сжалось от тяжелых предчувствий. Доказательства переданы, задание выполнено, она даже заслужила доверие императора. Но ее будущее всё еще было скрыто густым туманом. Храм Ганье — это совсем не тихая гавань, а поле боя, где нет открытых клинков, но где еще сильнее испытывается человеческая натура. Был ли тот намек императора лучом надежды или приманкой, ведущей в еще более глубокую ловушку? Она не знала.

Траурный звон колоколов продолжал плакать в ветре, отзываясь болью в сердце каждого. У Юаньчжао знала: ее дни во дворце Тайцзи сочтены. Впереди ждала полная неизвестности, опасностей и изоляции жизнь в монастыре. А тайна, которую она приоткрыла, и секрет, который передала дальше, вместе с ее уходом будут погребены в глубине этого величественного, занесенного снегом дворца, подобно спящим ядовитым змеям, ожидающим подходящего момента, чтобы либо сгинуть навсегда, либо вновь подняться и залить всё вокруг кровью.

[Системное уведомление: Подготовка к церемонии восхождения на престол идет полным ходом, ожидается через сорок девять дней после начала траура. Ветка судьбы игрока принудительно подтверждена: храм Ганье. Задание локации «Древние Будды и синие светильники» загружено: Главная цель — выжить в храме Ганье. Второстепенная цель — поддерживать скрытую связь с дворцом. Долгосрочная цель — ждать подходящего момента. Награда: неизвестно. Риск: крайне высокий (включая, но не ограничиваясь: суровые условия, интриги, скрытые преследования, информационная блокада, угроза жизни). Пожалуйста, будьте готовы.]

Система задала мрачный тон будущему. У Юаньчжао плотнее закуталась в тонкую мешковину и, ступая по глубокому снегу, побрела обратно в залу, где не смолкал плач. Ее фигура в метели казалась крошечной и одинокой, но в глубине глаз, скрытых за маской скорби, горел огонь негибимой воли к жизни. Дворцовые интриги, возможно, взяли паузу, но борьба для нее только начиналась.

<http://bllate.org/book/18487/1777056>